

ВИКТОР ЩЕРБИНА,

*кандидат социологических наук, докторант
Киевского национального университета им.
Тараса Шевченко*

**Информационное общество в контексте
коммунитарно-либертарной альтернативы:
понятийный аспект**

Abstract

The article deals with development of the informational society concept in view of its social basis. The author concludes about the communitary nature of informational society being the most probable way of its development.

Социологи должны развивать не постмодернистскую социологию, соответствующую климату постмодернизма, а социологию, способную понимать постмодернистский мир.

З.Бауман

Своеобразным парадоксом не столь уж давних времен было то, что общество, в котором мы жили, отличалось пиететом ко всякого рода определениям, порой выдуманным весьма произвольно. Интеллектуалы, привыкшие в свое время читать “между строк”, пережив шок “гласности”, как-то незаметно обвыклись с тем, что слова — это “всего лишь слова”, и, будучи референтной группой, объективно поспособствовали отторжению массовым сознанием того, что принято называть “идеологией”. Деидеологизация обернулась дерационализацией, массовое сознание “выпало” из “большой истории” и находится сейчас в атомизированном состоянии, реагируя лишь на феномены, соизмеримые с повседневным индивидуальным бытием, — на анекдоты и “попсу”, что делает его открытым для всевозможных манипуляций. Отсутствие конструкторов метауровня в массовом сознании начала 90-х годов XX столетия символично проявилось в росте популярности среди обществоведов известной концепции “конца истории”. Как многим тогда каза-

лось, все тонкости теоретических определений общественной жизни потеряли смысл вместе с обесцениванием советских денег. Однако вскоре выяснилось, что история вовсе не “заканчивается” с провозглашением окончательной победы либерализма, а потребность в общезначимом определении современности столь же остра, как и прежде. Вопрос о том, что собой представляет современное общество, остается по-прежнему актуальным. Существующие определения его используются у нас зачастую весьма некритично, и прослеживается тенденция воспринимать их в качестве окончательных истин.

В мировой социологической мысли сегодня не существует однозначно понимания современных общественных процессов, поскольку любая дефиниция в данной области может вместе с тем выступать в качестве теоретической легитимации интересов тех сил, которые определяют сами эти процессы. Поэтому используемые в данной области категории нередко страдают незавершенностью, представляют собой проективное видение предмета, а не отражение его сущностных свойств, что объективно обусловлено неопределенностью контуров возникающей в наше время социальной реальности. Цель предлагаемой статьи — рассмотреть проблему влияния идеологических конструктов на концептуализацию понятия “информационное общество”, а также выяснить, какие представления о соотношении индивидуальных и групповых интересов могут быть положены в его основание. Задачей автора при этом было выявление возможных принципов организации социальных оснований самого информационного общества.

Становящееся в процессе исторических изменений последних трех десятилетий общество называют постиндустриальным (Д.Белл) или информационным (М.Масуда), сетевым (М.Кастельс) или постэкономическим (Г.Кан, В.Иноземцев), обществом постмодерна (А.Этциони) или радикализованного (высокого) модерна (Э.Гидденс), посткапиталистическим (Р.Дарендорф), постцивилизационным (К.Боулдинг), постбуржуазным (Дж.Лихтхайм), постисторическим (Р.Сейденберг), постпротестантским (С.Алстром). Встречаются фантастические (“постчеловеческое”) и прагматические (“постнефтяное”) его определения, а некоторые авторы склонны говорить о “завершении социальности”. Число определений ширится. Терминологический разнобой свидетельствует о реальной мультипарадигмальности социальных наук и, кроме того, проявляет сложность самих процессов современной социальной трансформации. Обратившись к известной метафоре, можно было бы сказать, что социальные науки оказались в положении тех слепых, которые, изучая наощупь разные части слона, спорили о том, какой он “на самом деле” — тонкий, толстый, твердый или же гибкий. Особенность рассматриваемой ситуации состоит еще и в том, что попытки описания осуществляются в терминах разных научных языков, да и определение самого “слона” отсутствует. Не забывая об ущербности всякой аналогии, следует, однако, помнить и о том, что мы имеем дело с мутирующим “слоном”. По определению И.Валлерстайна, социальный мир вступил в процесс “глобального перехода”: “...Нам придется столкнуться с тем фактом, что кое-кто в настоящее время обладает большими привилегиями, чем другие, и естественно ожидать, что те, кто обладает большими привилегиями, будут желать сохранить их в том потоке, который неизбежно предполагает эра перехода. Короче говоря, эра перехода — это не дружественный

спортивный матч. Это жестокая борьба за будущее, и она будет приводить к раздорам между нами. Если говорить о том, что является наибольшей моральной проблемой, с которой мы сталкиваемся в эру перехода, то это, безусловно, довольно простая проблема: будет ли новая историческая система (или системы) сохранять модель существующей и прошлой систем, модель иерархической, неэгалитарной системы или же она (они) будет относительно демократической, относительно эгалитарной?

Мы сразу же видим, что это моральная проблема: “что такое хорошее общество?”. Но это также и интеллектуальная проблема: “какой вид общества возможно конструировать?” [1, с. 54]. Таким образом, переход этот имеет весьма неопределенные перспективы и последствия. Поэтому и соответствующая категория, в которой мыслится возникающее состояние, “мутирует”, изменяется, не может быть однозначно определена. Но это вовсе не означает, что ее не существует или, тем более, что она невозможна.

Следует сразу оговориться, что сами определения общества не являются изобретениями на потребу дня; они имеют историческую основу и известную логику саморазвития, выступая одним из онтологических оснований общественной жизни. Данная теоретическая ситуация характеризуется неопределенностью насчет выбора термина, наиболее приемлемого для обозначения этой категории в структуре обществоведческого языка, и того содержания, которое она должна иметь с тем, чтобы давать возможность адекватно отражать в рамках предмета социологии происходящие в обществе процессы. Определяясь с выбором термина, следует, вероятно, согласиться с точкой зрения С.Леша, который считает, что концепты “общество постмодерна” или же “постиндустриальное общество” недостаточно эвристичны и при анализе современности следует использовать термин “информационное общество” как наиболее адекватный [2, с. 234]. Не останавливаясь подробнее на этом, заметим, что само это понятие следует отделить от вышеупомянутых, развить и довести до статуса социологической категории, чтобы его можно было использовать в процессе социологического анализа общества.

Развитие компьютерно-коммуникационных сетей влечет за собой определенные последствия для субъектов теоретизирования. Осуществляя, например, управление в условиях современного мирового мультинационального хозяйства, индивид не располагает адекватным аппаратом восприятия, познания, интериоризации тех глобальных процессов, которые представляют реальную среду его деятельности. Аналог современной ситуации в познании — кризис евклидовой геометрии. Мы только подходим к вопросу о том, какими средствами можно пользоваться, чтобы обозреть социальное киберкоммуникативное (гипермедийное) пространство и то, что в нем происходит. Новейшее превращение пространственности в компьютерное гиперпространство позволило превзойти способность нашего тела локализовать самоё себя и структурировать свое непосредственное окружение, когнитивно определять свое положение в измеримом внешнем мире путем восприятия и познания на основе имеющихся способностей социологической рефлексии. Гиперпространство — историческая социально-экономическая реальность, в которой возникают социальные взаимосвязи со своими специфическими чертами, описываемыми в рамках различных упомянутых выше концептуальных определений.

Развивающаяся концептуализация этих социальных образований определяется несколькими составляющими: прежде всего набором утвердившихся в этом дискурсе понятий и, кроме того, имеющимися проектами, которые обуславливают ее направление и характер — “парадигмами”, “дискурсивными пространствами” или же “утопиями научного познания”.

Представляется, что последние в рамках социологии можно разделить на те, которые так или иначе соотносятся с категорией “капитализм”, и те, которые предполагают определение современности на иной концептуальной основе. К примеру, модели А.Бюля, А.Крокера и М.Вейнштейна восходят к традиции исторического материализма К.Маркса. Согласно его теории, рост производительных сил (существенной компонентой которых являются технологии) вызывает изменения в системе общественных отношений: появляются новые отношения собственности, на их базе возникают новые социальные классы, новые формы политической власти, идеологии и искусства и т. д. Приложение этой схемы к современности приводит Бюля, Крокера и Вейнштейна к тезису о переходе к новой фазе капитализма, при которой классические структуры индустриального общества устраняются по мере внедрения компьютерных технологий. Сторонники теоретических программ подобного рода полагают, что “категория капитализма все еще сохраняет свою диагностическую ценность не только применительно к “глобальной” проблематике современного капитализма, как это убедительно продемонстрировали и Ф.Бродель и И.Уоллерстайн, но и применительно к нашей ... ситуации ... новые понятия, претендующие на место, ... все еще законно занимаемое понятием “капитализм” (как, например, “постиндустриальное общество” или “постмодернизм”), еще не доказали справедливости своих притязаний. Вместе с понятием “капитализм” они кое-что могут добавить к пониманию современности. Вместо него — не могут и этого” [3, с. 37].

В то же время многие социологи сегодня убеждены, что категория “капитализм” неприемлема для теоретизирования в условиях современности — прежде всего потому, что в обществе произошли коренные изменения, вызванные развитием новых технологий. Так, некоторые исследователи ссылаются на то, что даже в наследии К.Маркса есть соответствующий подход к этой теме — размышляя о капитализме, он пытался наметить более широкую социальную концепцию исторической перспективы. В частности, К.Маркс писал: “Подобно тому, как вместе с развитием крупной промышленности тот базис, на котором она покоится, — присвоение чужого свободного времени — перестает составлять или создавать богатство, так вместе с этим ее развитием непосредственный труд как таковой перестает быть базисом производства потому, что, с одной стороны, он превращается главным образом в деятельность по наблюдению и регулированию, а затем и потому, что продукт перестает быть продуктом единичного непосредственного труда и в качестве производителя выступает, скорее, комбинация общественной деятельности” [4, с. 218]. С этой точки зрения понятие “информационное общество” может быть правомерным, если под ним понимать общество, имеющее базисом не присвоение чужого свободного времени, а деятельность по созданию информации (“наблюдению”) и ее перераспределению (“регулированию”). Приведенный пример показывает, что даже в рамках одного парадигмального направления существуют разночтения относительно возможного определения современности.

Концептуализация возникающего нового общественного состояния идет также в ракурсе противоречащих друг другу либертарно-индивидуалистического и коммунитаристского понимания общественной жизни.

Одной из наиболее распространенных парадигм понимания происходящих в современном обществе перемен является “калифорнийская идеология”, по определению членов Исследовательского центра гипермедиа Вестминстерского университета Ричарда Барбрука и Энди Камерона [5]. Они отмечают, что в конце XX века началось наконец давно предсказанное слияние средств массовой информации, вычислительной техники и телекоммуникаций в “гипермедиа” (одним из первых этот термин употребил В.Буш в: [6]). Эта парадигма влияет и на теоретическую концептуализацию информатизационных процессов в социологической мысли.

Согласно точке зрения Барбрука и Камерона, свободному союзу писателей, хакеров, капиталистов и художников Западного побережья США удалось выработать гетерогенную ортодоксию грядущего информационного века — калифорнийскую идеологию. Она соблазнительно сочетает в себе бесшабашный дух противников системы (хиппи) и предпринимательское рвение ее сторонников (яппи). Это слияние противоположностей было достигнуто благодаря вере в освобождающий потенциал новых информационных технологий. Барбрук и Камерон констатируют, что европейцы не замедлили скопировать последнее американское поветрие. Так, отчет Комиссии Европейского Сообщества рекомендует следовать калифорнийской модели “свободного рынка” при строительстве “информационной магистрали”, а передовые художники и ученые с упоением имитируют философов-“постгуманистов” экстропического культа западного побережья (см. Программу и рефераты конференции “Виртуальное будущее ‘95” в Уорвикском университете в: [7]). Повсеместно сказывающаяся привлекательность этой идеологии — не просто результат их заразительного оптимизма. Они выступают страстными защитниками того, что представляется безупречно либертарианской формой политики: они хотят, чтобы информационные технологии использовались для создания новой “джефферсоновской демократии”, при которой все индивиды смогут свободно самовыражаться внутри киберпространства [8].

Барбрук и Камерон считают, что корни популярности калифорнийской идеологии — в самой двусмысленности ее постулатов. За несколько последних десятилетий новаторская работа активистов-общественников медиа оказалась в большой мере востребованной высокотехнологичными отраслями промышленности и медиа-индустрией. Хотя компании в этих секторах могут механизировать или реализовать через субконтракты большую часть своих потребностей в труде, они остаются зависимыми от определенных ключевых фигур, способных проводить исследования и создавать оригинальные продукты — компьютерные программы и микросхемы, книги и телепрограммы. Вместе с некоторыми предпринимателями в области высоких технологий эти опытные работники составляют так называемый виртуальный класс — “техноинтеллигенцию из теоретиков, инженеров, кибернетиков, разработчиков видеоигр и всех остальных специалистов в области коммуникации...” [9, с. 15]. Это перекликается с футурологическими прогнозами Д.Белла и Р.Райха, прочивших доминирующую роль в экономике глобализованного капитализма “символическим аналитикам”.

Однако еще в 1970-х годах некоторые теоретики “новых левых” полагали, что такого рода научно-технические работники, непосредственно работая на производстве, ведут борьбу за социальное освобождение и выдвигают требования насчет развития самоуправления [10]. Столкнувшись с тем, что “символических аналитиков” сложно приучить к конвейерной дисциплине или заменить машинами, их “организовали” посредством системы контрактов с фиксированными сроками. Подобно “рабочей аристократии” прошлого века ведущий персонал информационной, вычислительной и телекоммуникационной промышленности испытывает на себе все недостатки и преимущества рыночного хозяйства. С одной стороны, эти высокотехнологичные ремесленники не только способны хорошо зарабатывать, но и обладают значительной автономностью в выборе временного режима и места своей работы. Используемые виртуальные рабочие места предоставляют возможность распределять работу во времени и пространстве достаточно свободным образом. Поэтому культурный водораздел между хиппи и “организационным” человеком становится довольно расплывчатым. Однако, с другой стороны, эти работники связаны условиями своих контрактов и не обладают гарантиями продленного найма, что задает тонус ответственности и дисциплинированности. Для большей части “виртуального класса” при нехватке свободного времени сама работа стала основным путем к самореализации. Двусмысленность калифорнийской идеологии ярче всего выражена в противоречивых картинах цифрового будущего. Развитие гипермедиа — ключевой компонент следующей стадии капитализма. Как указывает Ш.Зубофф, внедрение медиа, вычислительной и коммуникационной технологий непосредственно на фабрику и в контору — кульминация долгого процесса отделения рабочей силы от непосредственного участия в производстве [11, с. 26].

Сегодня мы видим, что социальные образования, возникающие на основе транснационального капитала, имеют виртуальную природу и не зависят от национально-государственной принадлежности входящих в них индивидов. Корпорации интеллектуального труда используют “рабочую силу” программистов из Индии и других стран, не входящих в число развитых, происходит своеобразный вынос трудоемких (а может быть, и интеллектуально вредных?) производств в третьи страны. Осуществит ли приход гипермедиа утопии новых левых или же новых правых? Будучи гибридной верой, калифорнийская идеология предполагает оба видения одновременно, не критикуя ни одно из них. С одной стороны, идеологи “виртуального сообщества” стремятся сохранить антикорпоративную “чистоту” новых левых. Согласно точке зрения их “гуру” Говарда Райнгольда, ценности современных поколений формирует развитие новых информационных технологий. Как следствие этого активисты-общественники смогут пользоваться гипермедиа, чтобы заменить корпоративный капитализм высокотехнологичной “подарочной экономикой”, основанной на добровольном обмене знаниями. По мнению Райнгольда, члены “виртуального класса” по-прежнему находятся на переднем крае борьбы за социальное освобождение и, несмотря на лихорадочное коммерческое и политическое участие в строительстве “информационной супермагистрали”, электронная агора неизбежно одержит победу над своими корпоративными и бюрократическими врагами [12].

Гарвардский профессор Джеймс Ф.Мур в своей статье “Вторая сверхдержава поднимает великолепную голову” [см.: 13] сформулировал тезис,

согласно которому Интернет следует рассматривать как “вторую сверхдержаву”, способную противостоять “агрессивному американскому правительству”, отстаивая интересы планетарного сообщества, “волю людей” в планетарном масштабе.

Другие идеологи Западного побережья приняли консервативную идеологию. Например, журнал “Wired” — ежемесячная библия “виртуального класса” — некритично воспроизводит взгляды Ньюта Гингрича, крайне правого республиканского лидера Палаты Представителей, и Элвина и Хайди Тоффлеров, его ближайших советников (см. интервью с Тоффлерами в [14]). Гингрич и Тоффлеры не поддерживают идею “электронной агоры”. Напротив, они утверждают, что конвергенция медиа, вычислительной и телекоммуникационной технологий произведет на свет электронный рынок: “В киберпространстве... один рынок за другим трансформируются технологическим прогрессом от “природной монополии” к той, в которой правилом является конкуренция” [15]. В этой версии калифорнийской идеологии каждому члену “виртуального класса” обещается возможность стать преуспевающим высокотехнологичным предпринимателем. Информационные технологии, согласно такой аргументации, дают силу индивиду, увеличивают личную свободу и радикально сокращают власть государства. Существующие социальные, политические и юридические структуры отомрут, и на смену им придут неограниченные взаимодействия автономных индивидов с их программным обеспечением. Правительство оставит в покое изобретательных предпринимателей — единственных людей, владеющих самообладанием и мужеством, достаточными для того, чтобы рисковать. Столь же оптимистичную и однозначно либертарианскую позицию занимает и глава Союза конвергенции технологий Д.Тапскотт в книге “Электронно-цифровое общество” [16].

Барбрук и Камерон резонно замечают, что само Западное побережье, где генерируется калифорнийская идеология, — порождение смешанной экономики. Для всех, кого не ослепляют догмы “свободного рынка”, очевидно, что у американцев всегда существовало государственное планирование; только называли его “оборонным бюджетом”. В то же время ключевые элементы стиля жизни Западного побережья происходят из его традиций культурной богемности, неформализма. Без калифорнийской культуры “самодельных” мифы этой идеологии не получили бы того всемирного резонанса, который имеют сегодня.

Несмотря на глубокие внутренние противоречия калифорнийской идеологии, многие люди по всему миру по-прежнему верят, что эта система представлений выражает единственный путь в будущее. В процессе всевозрастающей глобализации мировой экономики многие члены “виртуального класса” в Европе и Азии испытывают куда большее единение со своими калифорнийскими единомышленниками, чем с другими людьми в своей стране.

К информационному обществу ведут разные пути, и некоторые из них видятся более предпочтительными, чем другие. Для того чтобы сделать обоснованный выбор, следует произвести более внятный анализ воздействия гипермедиа, нежели тот, который можно найти среди двусмысленностей калифорнийской идеологии.

Начнем с того, что форма собственности должна измениться — вероятно, в направлении расщепления права собственности на пучок отдельных

полномочий, которые могут передаваться на различные уровни “общества сообществ” с учетом общественных потребностей и необходимости координации действий в масштабах глобального сообщества. Один из теоретических вариантов такой собственности, основывающийся на понятии транзакционных издержек, был предложен лауреатом Нобелевской премии Р.Коузом [17]. В дальнейшем в его разработке и создании на этой основе экономической теории собственности приняли участие С.Уильямсон, Д.Стиглер, А.Алчен, К.Эрроу, Д.Норт, С.Пейович, А.Ослунд и др.

Проблема собственности — одна из существенных для развития информационного общества, она проявляется через проблему “компьютерного пиратства”. Поскольку экономические средства борьбы против “пиратства” практически не существует, защита интеллектуальной собственности неизбежно должна опираться на запретительное законодательство. Однако выясняется, что между охраной прав собственности и правами человека в этой сфере существует явное противоречие. Компьютерным “пиратом” может стать каждый человек, копирующий программу для своего друга. Новые технологии позволяют копировать в домашних условиях не только дискеты, но и компакт-диски, пересылать программы по электронной почте. В Интернете осуществляются проекты, в рамках которых каждый участник имеет и передает другим, к примеру, отдельные фрагменты фильма. Но тот, кто дает запрос на этот фильм, не имеет дела с каким-либо конкретным отправителем, которого можно было бы привлечь к ответственности за незаконную деятельность, поскольку фактически складывается система круговой поруки. Для того чтобы предотвратить такое стихийное и массовое “пиратство”, необходима система воистину тотальной слежки, жесточайший контроль над движением информации. Во многих странах полиция уже практикует “обыск” компьютеров, владельцы которых заподозрены в использовании нелегальных программ. Широкомасштабное применение такой практики означало бы беспрецедентное вторжение в частную и интеллектуальную жизнь (кто знает, какие данные о Вас могут быть найдены в вашем компьютере вместе с нелегальными программами), в тайну переписки, фактическую отмену неприкосновенности жилища. Развитие такого рода практики, кроме того, создает отрицательное отношение к информационной среде, поскольку в ней всегда существует опасность быть обвиненным в незаконной деятельности.

Неопределенность цифрового будущего — результат повсеместности смешанной экономики в современном мире. В различных национально-государственных фрагментах глобализирующегося мира складываются тенденции к доминированию тех или иных (коммунитарного, либертарного и, возможно, традиционалистского толка) вариантов развития отношений собственности и соответствующие им формы социальной организации, что обуславливает специфику и роль этих фрагментов в складывающемся едином информационном обществе. Качество каждого фрагмента — мера его консервативности или открытости для изменений — определяется логикой движения отношений в глобальных масштабах и, в зависимости от степени осознанности и субъективной освоенности этой логики, понимается как случайное или закономерное, признается или не признается. От осознания такого положения вещей, а также деятельностного овладения своим местом и формой включенности в глобальный процесс зависит сформированность инфор-

мационного общества как в глобальном, так и региональном сообществе. Никто точно не знает, какими будут сильные стороны каждого фрагмента, но коллективные действия могут стать гарантией того, что ни одна социальная группа не будет намеренно исключена из киберпространства.

Субъектность в условиях информационного общества, таким образом, опирается не на материальные или организационные ресурсы социума, а на осознание своего места и роли в процессах глобального взаимодействия, а также развитие способности к совместному действию. То, насколько индивиды, из которых состоит социум, способны определяться в ситуации, опираясь на новую среду, обусловлено, в свою очередь, тем, что представляют собой сами эти индивиды, как они организованы. Сообщества, структуры социального общения становятся ориентированными на взаимодействие индивидов не посредством взаимодополнения друг друга как носителей стандартизированных свойств (“одномерных” или “экономических” людей), а посредством взаимодополнения в акте творческой деятельности, в процессе самореализации путем саморазвития. В последнем случае индивиды нуждаются друг в друге не как в средстве, а как в цели. Это, в свою очередь, предполагает гуманистическую ориентацию информационного общества как одну из его необходимых черт. Используя понятие “информационное общество”, британский исследователь З.Бауман описывает альтернативную, на наш взгляд, ситуацию в индивидуализированном обществе. С его точки зрения, такое общество характеризуется тремя главными признаками: утратой человеком контроля над большинством значимых социальных процессов; возрастающей в связи с этим неопределенностью и прогрессирующей незащищенностью личности перед лицом не контролируемых ею перемен; наконец, естественным в таких условиях стремлением человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов, что в конечном счете приводит к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни. Как следствие общество начала XXI века характеризуется, с одной стороны, стремительным усложнением экономических процессов, а с другой — все более явной фрагментированностью человеческого существования. “Время и пространство, — отмечает З.Бауман, — по-разному распределены между стоящими на разных ступенях глобальной властной пирамиды. Те, кто может себе это позволить, живут исключительно во времени. Те, кто не может, обитают в пространстве. Для первых пространство не имеет значения. При этом вторые изо всех сил борются за то, чтобы сделать его значимым” [18, с. 45]. И далее он констатирует, что “вера в спасительную миссию общества мертва по обе стороны ныне разобранной идеологической баррикады, во дворцах и в хижинах, в элитных кварталах и в городских гетто” [18, с. 38–39], а люди оказываются во власти “ощущения (для которого есть ряд оснований), что отсутствуют не только механизмы обеспечения эффективных действий, тем более — коллективных эффективных действий, и особенно — долгосрочных коллективных эффективных действий, но и пути возрождения таких механизмов или создания новых” [18, с. 101]. Эти качества и обстоятельства жизни людей определяют содержание понятия “индивидуализированное общество”. З.Бауман подчеркивает, что существующая сегодня разновидность этого общества крайне противоречива, прежде всего потому, что индивидуализированное общество сформировалось отнюдь не в силу стремлений отдель-

ных индивидов, а в результате действия объективных, и даже деперсонифицированных сил и тенденций. Иными словами то, что сегодня называют “информационным обществом”, является объективным, внешним по отношению к человеку фактом. Парадоксально, но “сейчас, как и прежде, индивидуализация — это судьба, а не выбор” [18, с. 52].

Иной методологической ориентацией, в рамках которой предпринимаются попытки создать адекватную социальным реалиям современности концепцию, является коммуитаризм. Рассмотрим в качестве примера коммуитарную утопию Амитаи Этциони, крупнейшего представителя так называемого низкого коммуитаризма в США. По мнению А. Этциони, мы находимся в “постсовременной” эпохе. Он начинает свою книгу “Активное общество” с утверждения, что “современный период закончился радикальной трансформацией информационных, научных и энергетических технологий, которая произошла вслед за окончанием Второй мировой войны” [19, с. 4]. Однако он не рассматривает, что же, собственно, представляют информационные и иные технологии; не раскрывается и то, каково именно содержание понятия “постсовременное общество”. Он исходит из того, что главной особенностью современного периода стал непрерывный рост эффективности производственных технологий, что делает проблематичным первостепенное значение ценностей, которым, как подразумевается, этот фактор призван служить. В постсовременный период, начавшийся, возможно, в 1945 году, либо появится еще большая угроза статусу этих ценностей, создаваемая технологическими сдвигами, либо произойдет подтверждение их нормативного преимущества. В зависимости от того, какая альтернатива возобладает, определится и то, уготована ли обществу роль слуги или хозяина структуры, которую оно возводит. Таким образом, “постсовременность” у А. Этциони, будь то как исторический период или как тип общества, является скорее не определением, а лишь постановкой вопроса. “Постсовременность” предполагает прежде всего осознание того, что “после какого-то момента движение в направлении еще большей свободы уже не приносит обществу пользы. Сегодня для Запада, и для Соединенных Штатов в особенности, настало время решения задачи укрепления коллективных ценностей и установления новых пределов для индивидуализма” [20, с. 315]. В этих условиях общество возможно только на основе справедливости, а последняя означает увязывание социального порядка с нравственными ценностями членов общества. Но как это сделать в отсутствие идеологии или какой-либо религии, остается неясным. Последовательно рассуждая, следует признать, что возникла исторически прецедентная ситуация, когда либертарный социальный порядок невозможен, а традиционные средства осуществления коммуитарного не подходят.

Выдвигая программу необходимых с его точки зрения изменений, Этциони предлагает начать с укрепления основ нравственности, отрекаясь при этом от возможных обвинений в “моральном принуждении” и “пуританизме” [21].

Поэтому Этциони обращается к семье, начиная с утверждения о том, что “производство” детей является моральным и коммуитарным актом. Поэтому он обращает внимание на быстро развивающийся в США дефицит родительского внимания: погоня за доходом и приобретение вещей все более вытесняют нормальную семейную жизнь. “Модус обладания” (в терминах

Э.Фромма) усиливает свою гегемонию. Здесь Этциони предлагает произвести переоценку ценностей: "...что вам дороже — более высокий доход или лучшие отношения с детьми?" [21, с. 68]. После этого он переходит к серии мер, которые нужно предпринять, по его мнению, на уровне общеобразовательной школы. Центральным пунктом здесь является воспитание дисциплины, самодисциплины и интернализация моральных ценностей. Наконец, для приобщения к духу коммунитарности предлагается ввести один год "национальной службы" после окончания школы.

А. Этциони предлагает развивать коммунитарные инфраструктуры на микроуровне в виде всевозможных малых групп и считает, что возможность формирования малых групп должна учитываться при разработке городской архитектуры. На более высоком уровне он рекомендует организацию различных добровольных структур, например, спасательных служб. Помимо непосредственных целей этих организаций их важнейшей задачей он считает способствование восстановлению духа коллективизма, "чувства локтя", "weness" [21, с. 124]. Наконец, коммунитарным отношениям должно способствовать широкое участие населения в управлении различными местными институтами — школами, больницами, библиотеками и т.п. Информатизация в этой области рассматривается им как одно из необходимых условий ее развития.

Этциони излагает также свою концепцию социальной справедливости. Прежде всего, полагает он, люди должны считать своей первейшей обязанностью стараться по мере своих сил самим решать свои проблемы. Следующую линию социальной защиты представляют их близкие: родственники, друзья, соседи. Каждое сообщество должно также прилагать все силы к решению своих проблем. И последняя по очереди, но не по важности, линия защиты — это все общество, понимаемое Этциони в смысле сообщества сообществ, которое оказывает помощь тем своим членам, возможности самопомощи которых, учитывая все предыдущие линии защиты, исчерпаны.

Важнейшей составляющей коммунитарной идеи Этциони являются два принципа: во-первых, каждое из сообществ должно иметь твердое представление о том, что оно является частью сообщества более высокого уровня; во-вторых, в каждом сообществе и обществе в целом права его членов должны соответствовать их обязанностям. Нельзя расширять сферу прав человека за счет ограничения сферы его обязанностей.

А. Этциони полагает, что если в 1980-е годы эгоцентризм был возведен в добродетель, то теперь приходит эпоха смещения акцента на "мы", на дух "коллективизма". Его программа представляет собой перечень рекомендаций "морального совершенствования" общества, никак не затрагивающих его политических, экономических и социальных основ. В то же время многие его рекомендации уже осуществляются на практике в ряде штатов США. Это означает, что в самом способе производства происходят глубокие изменения, которые не могут не сказаться на всей общественной жизни в целом. Эти изменения связаны прежде всего с изменениями в технологиях. Однако, ситуация становится неопределенной, и ответы, которые может дать история, непредсказуемы. Одним из них является коммунитаризм, но в широком его понимании. Из концепции Этциони в него можно включить лишь то, что общество следует рассматривать как сообщество сообществ и что настала пора возвращаться к ценностям коллективизма.

Сделаем некоторые выводы.

Концепция информационного общества складывается в рамках двух парадигмальных тенденций — коммуитаризма и либертаризма. Существует ряд факторов, обуславливающих тенденцию развития коммуитарных черт в социальных образованиях, возникающих при определяющем воздействии процессов информатизации.

Прежде всего фактор технологический. Особенностью организации современного мира является рост сетевых структур взаимодействия во всех социальных сферах. Сетевые структуры, особенно информационные, обеспечивают огромные возможности снижения транзакционных издержек во всем мировом хозяйстве, поэтому сетевая организация экономических процессов обеспечивает большую их эффективность. Индустриальные фрагменты глобального экономического уклада продолжают существовать лишь в силу сохранения технологий, требующих концентрации производительных сил в едином пространственно-временном континууме. По мере своего развития технические средства, обслуживающие сетевое взаимодействие, будут распространяться все быстрее и создавать условия для развития технологий, основанных на использовании распределенных ресурсов. Такие технические средства предъявляют повышенные требования к безопасности. От их непрерывного функционирования зависит все большая часть человечества. Аварии, связанные с ними, грозят глобальными катастрофами. Непрерывность и безопасность функционирования этих технических средств прежде всего требуют их обслуживания преданным, квалифицированным и лояльным персоналом. Такие системы нуждаются в высокой степени координации процессов внутреннего управления, совместимости между собой, а следовательно, в тщательном планировании как при разработке, так и при функционировании — оперативном, среднесрочном и стратегическом. Более того, крупномасштабные сетевые структуры нуждаются в стабильном социально-политическом окружении. Иными словами, общий фон, на котором функционируют сетевые системы, должен быть в достаточной степени предсказуемым, стабильным и иметь гуманитарную основу. Можно предположить, что с развитием сетевых структур хозяйственный мир перестанет напоминать хаотическое броуновское движение отдельных хозяйственных единиц и станет похожим скорее на колебательное движение атомов в кристаллической решетке. Сетевые системы образуют каркас этой решетки, однако в ограниченных пределах сохраняется определенная свобода и гибкость адаптации хозяйственных единиц. В таких структурах вряд ли приемлемы принципы чистого индивидуализма.

Все это обуславливает также специфику культурно-политического характера новой среды. Принцип индивидуализма и “открытого” общества, состоящего из индивидов, связанных только формальными отношениями, должен уступать место принципу “сообщества сообществ”. На всех уровнях члены любого сообщества, начиная от семьи и кончая крупной корпорацией, должны быть связаны общим интересом, человеческими отношениями, традициями, неформальными связями. Формальный критерий прибыльности должен быть обставлен многочисленными ограничениями, защищающими эти неформальные отношения, позволяющими сохранять в сообществе и в обществе в целом необходимое разнообразие. Это, в свою очередь, делает необходимой трансформацию системы ценностей, определяющих эконо-

мическое поведение индивидов, в сторону развития корпоративизма и коллективизма.

Коллективы, обслуживающие сетевые структуры, не могут быть случайно собранными, нанимаемыми и увольняемыми конгломератами людей; необходимо обеспечить высокую степень их сплоченности, ответственности и вовлеченности в дело функционирования системы, которую они обслуживают.

Место неограниченного накопления частной собственности в системе ценностных ориентаций должно занять обеспечение достойной и полноценной жизни для каждого индивидуального члена “сообщества сообществ”, что предполагает перенос акцентов на принципы коллективной социальной защиты и безопасности. Поэтому логика формирования сообществ в информационном обществе востребует необходимость развития социальных функций каждого производственного корпоративного образования. В свою очередь, корпоративные принципы могут быть эффективными только тогда, когда их пронизывает идея социальной справедливости, предполагающая оказание каждому члену сообщества помощи с тем, чтобы он мог полностью использовать свои способности, играть соответствующую социальную роль, самореализовываться в этом, чувствовать себя полезным обществу и получать поддержку с его стороны. Это обуславливает необходимость присутствия в обществе соответствующих факторов индивидуально-психологического и морально-этического характера, делающих возможным функционирование информационного общества сетевого типа. “Сообщество сообществ”, где доминирует групповой эгоизм, очень быстро превращается в сообщество клик, клановых и мафиозных организаций, в нем постоянно воспроизводятся межгрупповые конфликты и, что немаловажно, конфликты между индивидом и обществом. В информационно и технологически насыщенной среде такое общество превращается в заложника действий каждой отдельной личности, что уже сегодня проявляется в нарастающих угрозах терроризма и киберпреступности.

Отказ от группового эгоизма может обеспечить выживание в современных условиях такого “сообщества сообществ”, как народ, а в конечном счете “сообщества народов” — человечества. Формы коммунитарного самосознания, развившиеся в доиндустриальную и индустриальную эпохи, составляют ценный ресурс для реализации такого отказа, однако они должны быть существенно изменены. Смогут ли существующие в нынешней культуре системы ценностей обеспечить развитие сетевого информационного социума или же мы стоим перед исторической необходимостью возникновения новых оснований морального самосознания человека, новых способов его ценностного самоопределения?

При такой постановке проблемы естественно возрастает роль социального государства как средства координации усилий коммунитарных сообществ, разработчика стратегии развития, определителя приоритетных направлений локальных сообществ в контексте их вовлеченности в глобальные процессы. Вместе с тем развитие на более низких уровнях коммунитарных отношений между сообществами позволяет государству отказаться от мелочной опеки социально-экономических отношений, сосредоточивая свои усилия на стратегических проблемах. Является ли формирование такого рода информационного общества исторической неизбежностью? Ско-

рее всего, нет. Сегодня мы переживаем период неопределенности, и само развитие информационного общества с его сетевыми структурами таит в себе разные, в том числе не очень обнадеживающие альтернативы.

Литература

1. *Валлерстайн И.* Интеллектуалы в век перехода // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 3. — С. 42–56.
2. *Lash S.* Critique of Information. — L., 2002.
3. *Давыдов Ю.Н.* Современность капитализма // Новое и старое в теоретической социологии. — М., 1999. — С. 5–37.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. : 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 2.
5. www.hrc.wmin.ac.uk/theory.californian_ideology-main.html.
6. *Bush V.* As We May Think // Atlantic Montly. — 1945. — № 7. — P. 101–108.
7. http://www.warwick.ac.uk/WWW/faculties/social_studies/Philosophy/events/vf.
8. *Kapor M.* Where is the Digital Highway Really Heading? A Case for Jeffersonian Information Policy // Wired. — 1993. — July/August. — **1(3)**. — P. 53–59.
9. *Kroker A., Weinstein M.* Data Trash. The Theory of the Virtual Class. — Montreal, 1994.
10. *Malle S.* The New Working Class. — Nottingame, 1975.
11. *Zuboff S.* In the Age of the Smart Machine: The Future of Work and Power. — N.Y., 1988.
12. *Rhinegold H.* Virtual Communities. Sufing the Internet. — London, 1994.
13. <http://cyber.law.harvard.edu/people/jmoore/secondsuperpower.html>.
14. *Шварц П.* “Анти-воин” шоковой волны // Wired. — 1993. — Novemder. — 2(2). — P. 36–48.
15. Киберпространство и американская мечта: Великая хартия вольностей для века знания. — <http://www.pff.org/position.html>. — P. 5.
16. *Танскомм Д.* Электронно-цифровое общество. — К., 1999.
17. *Коуз Р.* Фирма, рынок, право. — М., 1990.
18. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М., 2002.
19. *Etzioni A.* The Active Society. — N.Y., 1968.
20. Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. — М., 1999.
21. *Etzioni A.* The Spirit of Community. — L., 1995.